

сопровождаются указанием их социального статуса и местожительства. Приложения «Оклады и сборы таможенных и кабацких доходов в Курске, Белгороде, Вязьме и Можайске» (с. 157—201) и «Структура таможенных и кабацких расходов в Курске, Белгороде, Вязьме и Можайске в XVII в.» (с. 202) будут интересны также исследователям истории экономики России. Они содержат богатый статистический материал, дающий пищу для размышлений и способствующий созданию новых исследовательских работ как по истории таможенного и кабацкого дела, так и по истории развития Всероссийского рынка, структуры государственной казны.

Монография А.И. Раздорского, как отмечает сам автор, ни в коей мере не претендует на роль обобщающего исследования по истории таможенного и питейного дела России XVII в., так как базируется на мате-

Сергей Козлов

Рец. на: В.Я. Гросул. Общественное движение в России первой половины XIX века. М.: АИРО—XXI, 2017. 848 с.

Sergey Kozlov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: V.Ya. Grosul. Obschestvennoe dvizhenie v Rossii pervoi poloviny XIX veka. Moscow, 2017

DOI: 10.31857/S086956870004500-1

Фундаментальный труд известного историка Владислава Якимовича Гросула посвящён ключевым аспектам исторического и социокультурного развития России в дореформенную эпоху. Это был исключительно сложный и противоречивый период отечественной истории, когда в недрах быстро ветшавшего здания грандиозной феодальной империи зарождались прогрессивные формы хозяйственной и социальной организации, а недо-

риалах только четырёх городов двух регионов России. Тем не менее это — ценное приобретение для отечественной науки. Были ли отмеченные автором процессы и явления, факты, проявившиеся в отдельных регионах, локальными или типичными в целом для всей страны, ещё предстоит выяснить путём комплексного изучения истории таможенного и питейного дела других русских городов разных регионов. Раздорский задал направление будущих исследований этого вопроса.

Примечания

¹ *Крайковский А.В.* К вопросу о достоверности русских таможенных книг XVII века // Массовые источники отечественной истории: Материалы X всероссийской конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI—XX вв.: Проблемы изучения и издания». Архангельск, 1999. С. 152—155.

статочно динамичной общественной активности и замкнутости сословий сопутствовали протомодернизационные процессы.

Автор впервые в отечественной и зарубежной историографии комплексно проанализировал развитие основных направлений общественного движения в России до 1861 г. — либерального, консервативного и революционно-демократического — в контексте постепенной трансформации мнения

общественности страны по основным проблемам, касающимся взаимодействия российского социума и власти.

Монография отвечает на важный научный вопрос: в какой степени передовой интеллектуальный опыт Западной Европы и внутренние факторы социальной и культурного развития дореформенной России повлияли на эволюцию её общественного движения как такового и разработку реформаторских планов и идей по усовершенствованию русского общества и бюрократического государственного механизма? Таким образом, открываются перспективы для более детального изучения таких актуальных исторических и социокультурных сюжетов, как соотношение национального духовного и практического опыта и зарубежных заимствований, реакция отдельных слоёв российского общества на попытки осуществления преобразований «сверху» в первой половине XIX в. и др.

В «Предисловии» автор подробно обосновывает задачи исследования. При этом подчёркивается необходимость изучения проблем российского общественного движения в рамках широкого социально-экономического анализа с привлечением материалов регионального характера (с. 8—9). Следует отметить перспективность заявленной и в дальнейшем последовательно реализованной Гросулом научно-исследовательской методики. Опираясь на диалектический синтез социального и экономического начал в историческом процессе, автор решительно отвергает идеологическую предвзятость при рассмотрении и оценке отдельных форм и направлений общественного движения в России исследуемого периода. Исходным является идейно-методологический посыл: рассмотреть сложнейший комплекс внутривнутриполитических и социокультурных проблем первой по-

ловины XIX столетия сквозь призму внутреннего развития огромной евразийской державы.

Гросул творчески использовал в работе многочисленные источники — архивные документы, научные и публицистические труды, мемуары, переписку и др. Особое научное значение имеют материалы, представленные во второй главе, где рассматриваются проблемы, касающиеся эволюции русского либерализма. Отдельное внимание по праву уделяется анализу либерального движения в 1825—1855 гг. — период правления императора Николая I (с. 325—381). Интересны выводы автора относительно взглядов русских консерваторов того времени, в частности по ключевому для России крестьянскому вопросу. При этом он обращается не только к аграрной теории, но и к сельскохозяйственной практике (с. 541, 543, 579—591), делая аргументированный вывод о значительной роли представителей отечественного консерватизма в изменении характера идеологического режима при Николае I (с. 578).

Исследование характеризуется ярко выраженным диалектическим подходом, стремлением раскрыть сущность общественного движения как сложного и противоречивого процесса. Гросул убедительно показывает, каким образом в главной цитадели самодержавия — крепостническом обществе — постепенно вызревали иные плоды. В те годы формировались зачатки явлений принципиально нового (буржуазного) строя — самостоятельности, гражданственности, независимого профессионализма, в полной мере проявившихся в начале XX в.¹ Всё это свидетельствовало о медленном, противоречивом, но всё же движении вперёд по пути создания гражданского общества и правового государства.

Для решения такой масштабной задачи, как реконструкция дореформенного общественного движения в России, автор избрал, пожалуй, наиболее оптимальный, но одновременно и самый трудный путь. Он охарактеризовал даже не десятки, а сотни отдельных человеческих судеб! В итоге перед читателем предстали образы множества самобытных личностей конца XVIII — первой половины XIX в.: от М.М. Щербатова и Г.Р. Державина до А.И. Герцена и Н.П. Огарёва.

Следует отметить проведённый Гросулом исключительно содержательный, во многом новаторский анализ творчества плеяды отечественных исследователей, в разные годы плодотворно изучавших рассматриваемые автором проблемы. Представляется, что особенно удачны разделы монографии, посвящённые научным трудам А.Н. Пыпина (с. 37—75), а также, согласно характеристике самого автора, представителей «левого фланга русского либерализма» — М.В. Довнар-Запольского и В.И. Семевского (с. 773—779).

Возможно, в монографии следовало уделить больше внимания общественной деятельности, взглядам и трудам А.И. Кошелева, а также проанализировать его сочинение «Конституция, самодержавие и Земская дума», в котором представлены взгляды консерваторов на ключевые общественные проблемы рассматриваемого периода. Эта работа, хотя и была опубликована в Германии уже в 1862 г., отразила взгляды консерваторов на ключевые дореформенные проблемы, в итоге повлияв и на социальную мысль России XIX столетия².

В книге органично соединились подходы, характерные для различных гуманитарных дисциплин: истории, социологии, политологии и литературоведения. Благодаря сравнительному анализу развития российских и

западноевропейских идейно-теоретической мысли и социальной практики в первой половине XIX в. читатель получил возможность лучше понять позиции ряда отечественных общественных лидеров, порою испытывавших заметное влияние зарубежных политико-экономических доктрин. В современной научной историографии работы, подобные исследованию Гросула, к сожалению, появляются нечасто. Между тем здесь весьма рельефно воспроизведены некоторые существенные элементы общего для России и Западной Европы социокультурного ландшафта. Кроме того, книга (как и ряд предыдущих работ историка³) выгодно отличается от основного «мейнстрима» современных научных трудов по данной проблематике широтой охвата проблем и высоким уровнем аналитичности.

В неоглобалистских условиях новейшего российского капитализма, нивелирующих многовековой национальный опыт⁴, особую ценность приобретают научные изыскания, главным объектом анализа которых становится Традиция. Поэтому с учётом стремительной геополитической реанимации и общеевропейской, и евразийской культурно-цивилизационной идентичности начала XXI в., а также активизации историко-просветительской работы в современном российском социуме очень важно творческое обращение к опыту эпохи зарождения в России первых попыток общественной самоорганизации, роста и укрепления русского национального самосознания.

Типологически и структурно исследование во многом построено по принципу энциклопедических изданий, что отнюдь не случайно: основным побудительным творческим мотивом автора явилось стремление к многостороннему освещению ключевых сторон сложной и противоре-

чивой эволюции российского общественного движения предреформенных десятилетий.

В основе книги — преданность и любовь к Отечеству и своему народу (не столь частое явление в современной российской историографии), причём, кредо историка, опирающееся на глубинный патриотизм подавляющего большинства людей, составлявших основу дореформенного общественного движения, выражено мощно и уверенно. Также следует отметить, что монография Гросула, как всегда, написана замечательным русским литературным языком. Именно русским, а не безлико-научнообразным языком многих современных гуманитарных исследований, публикуемых в России и зачастую отличающихся механическим заимствованием «западной» (вестернизированной) терминологии⁵ и зарубежных концепций, включая «теорию элит», *de facto* исключаящую из исторического процесса созидательную роль народов⁶.

В последние годы, в обстановке резко обострившегося глобального геополитического противостояния заметно активизировались попытки Запада в очередной раз представить дореформенную Россию оплотом архаики⁷. Однако приведённые Гросулом факты, напротив, свидетельствуют о динамично-поступательном социальном развитии нашей страны даже в последние десятилетия существования крепостничества⁸.

В широком общественном движении той эпохи, как показывает автор, трудный путь находок и утрат в напряжённой борьбе с самодержавным деспотизмом оформился в разнобразную, но русскую по духу историко-культурную среду, противостоявшую архаичному миру угнетения, насилия и патернализма⁹ и одновременно опиравшуюся на общеевропейские духовные традиции и поиски¹⁰.

Основоположник «государственной школы» в русской историографии Б.Н. Чичерин писал: «Общество состоит из лиц, из которых каждое имеет свою самостоятельную жизнь, свой маленький мир частных стремлений и интересов. Но лица не замыкаются в этой тесной сфере... Разумная жизнь каждого человека состоит в том, что он примыкает к той или другой группе, наполняется общим её содержанием и сам действует на её пользу... Отсюда борьба старого с новым, отсюда движение, которое изменяет существующее устройство. Но цель всякого движения — не просто освобождение лица от прежних определений, а переход... к новому... строению жизни»¹¹. С этой исторической задачей российское общественное движение первой половины XIX в. вполне справилось. Вместе с тем крепостная Россия не знала личной независимости, основанной на эквивалентном обмене товарами, отсюда — и слабая общественная активность сельского населения, в отличие от горожан. Британский исследователь Дж. Хоскинг отмечал: российская имперская мобилизация «именно потому была столь успешной до середины XIX в.», что «не было какого-либо решительного давления в пользу изменения системы»¹². Однако даже в условиях преобладания архаики и жёсткого самодержавного контроля участники дореформенного общественного движения добились значительных просветительских успехов, включая внедрение традиций как хозяйственного рационализма, так и православного гуманизма (с. 271—273, 339—361)¹³. В итоге, как отмечал сыгравший видную роль в возрождении православной веры митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим (Нечаев), «в течение XIX в. произошло благодатное для русской духовной культуры в целом возвращение к её национальным истокам. Эти животворные

истоки сумели напитать и наполнить собою то великое море русской культуры, которое разлилось по всем континентам впервые в XX столетии»¹⁴.

Несомненно, материалы исключительно содержательного исследования В.Я. Гросула, написанного на высочайшем профессиональном уровне с использованием новаторских идейно-методических разработок, станут ценным источником не только для историков, культурологов, литературоведов, философов, социологов, но и для других специалистов-гуманитариев.

Примечания

¹ См.: Самоорганизация российской общности в последней трети XVIII — начале XX в. / Отв. ред. А.С. Туманова. М., 2011.

² Подробнее см.: *Кошелев А.И.* Самодержавие и Земская дума / Отв. ред. О.А. Платонов. М., 2011.

³ *Гросул В.Я.* Русское общество XVIII—XIX вв.: Традиции и новации. М., 2003; *Гросул В.Я.* Русское зарубежье в первой половине XIX в. М., 2008; *Гросул В.Я.* Общественное мнение в России XIX в. М., 2013; *Гросул В.Я.* Труды по теории истории. М., 2014.

⁴ *Федотова В.Г.* Модернизация и глобализация. М., 2001; Архипастыри, пастыри и монашество Русской Православной Церкви о глобализации и цифровом кодировании людей / Сост. В.П. Филимонов. СПб., 2004; *Гидденс Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004; Национальная безопасность России в условиях глобализации. Геополитический подход / Под ред. А.П. Кочеткова, А.В. Опалева. М., 2016.

⁵ В настоящее время русский язык с трудом «выдерживает» поток шаблонных заимствований англоязычной лексики (см.: *Дьяков А.И.* Словарь английских заимствований русского языка. Новосибирск, 2010; *Марунова Е.В.* Иноязычная лексика современного русского языка. М., 2012; *Сидакова Н.В.* Употребление иностранных слов в русском языке: логика речи или дань моде? // Балтийский гуманитарный журнал (Калининград). 2016. Т. 5. № 4(17). С. 111—114).

⁶ См.: *Сергеев Е.Ю.* Современное элитоведение: итоги и перспективы // Элиты и лидеры: традиционализм и новаторство / Отв. ред. Е.Ю. Сергеев. М., 2007. С. 7—21.

⁷ *Соколов Ж.* Бедная держава. История России с 1815 г. до наших дней. М., 2008; *Sebag-Montefiore S.J.* The Romanovs: 1613—1918.

Л., 2016; и др. Следует отметить и далёкую от историзма концепцию С. Сандлер о «мифологизации» образа А.С. Пушкина (фактически, его творчества) в русском национальном сознании (*Sandler S.* Commemorating Pushkin: Russia's Myth of a National Poet. Stanford, 2003). Примечательна и такая авторская «аргументация»: «Исключительность места, которое занимает пушкинский сюжет в русской культуре, заставляет думать, что это миф» (*Сандлер С.* «Пушкин» и идентичность // Национальная идентичность в русской культуре / Под ред. С. Франклина и Э. Уиддис; пер. с англ. В.Л. Артёмова. М., 2014. С. 225). По сути, имеет место глубинное отрицание самобытности русской культуры и ментальности.

⁸ «Российская нация, — подчёркивает В.А. Тишков, — внесла неизмеримый вклад в культурное наследие народов Восточной и Западной Европы. Без российского культурного компонента нет европейской культуры в прошлом, и этот вклад... будет сохраняться в будущем» (*Тишков В.А.* Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013. С. 511).

⁹ См.: *Кошелев А.И.* Общественные языки России // *Кошелев А.И.* Самодержавие и Земская дума. С. 506.

¹⁰ См.: *Тихонова Е.Ю.* В.Г. Белинский в споре со славянофилами. М., 1999. С. 52; *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. М., 1989. С. 374—375; *Рое М.* The Russian Moment in World History. Princeton, 2003; *Гросул В.Я.* Русское зарубежье...; *Сараева Е.Л.* Русское западничество: идеология национального самоопределения. Ярославль, 2009.

¹¹ *Чичерин Б.Н.* Что такое охранительные начала? // *Чичерин Б.Н.* Несколько современных вопросов. М., 1862. С. 149.

¹² *Хоскинг Дж.* Структуры доверия в русском обществе с точки зрения историка // Управление Россией. Опыт. Традиции. Новации. XVI—XX вв. М., 2007. С. 80. Об истоках стабильности николаевской империи также см.: *Ружицкая И.В.* Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. Изд. 2. М.; СПб., 2015.

¹³ См. также: Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX в. М., 2003; *Козлов С.А.* Аграрные традиции и новации в дореформенной России / Отв. ред. А.В. Семёнова. М., 2002. С. 135—389.

¹⁴ Опыт народного духа. Беседа с митрополитом Питиримом // Наше наследие. 1988. № IV. С. 12. Вместе с тем отмеченные тенденции были бы невозможны без активного взаимовлияния отечественной и западноевропейской культур в контексте широкого общественного движения дореформенной эпохи.